DOI: 10.17117/na.2017.01.02.274

<http://ucom.ru/doc/na.2017.01.02.274.pdf>

Поступила (Received): 31.01.2017

Галухин А.В. Проблема диалектико-эйдетической экспликации единства противоположностей

Galukhin A.V.
The problem of eidetic-dialectical explication
of the unity of opposites

В статье моделируется ситуация полемического расхождения диалектики со стратегией метафизических рассуждений, замкнутой на принципы формально-логического оперирования противоположностями. Рассматривается спорный вопрос о возможности мыслить предмет на основе соотнесения его противоположных определений, подводя последние под понятие противоположного в одном и том же отношении. Деконструкция этого отношения в рамках эйдетической диалектики означает лишь переопределение понятий, в которых формулируется исходный вопрос, однако попытки решения этого вопроса проявляют потенциал диалектики как методологии конструктивно-смыслового моделирования

Ключевые слова: диалектика, логика, тождество, противоположности, эйдос

This paper introduces a situational model of polemic disagreement between dialectic approach and the strategy of metaphysical reasoning, restricted to the principles of formal logical dealing with opposites. The consideration is given to a rather disputable issue of whether it is possible to think of something on the basis of opposite properties as attributed to the same subject taken with the same respect. Deconstruction of what assumed to be "the same respect" within the framework of eidetic dialectics implies the redefinition of the basic terms in which the issue was originally articulated; nevertheless the endeavor to resolve the problem displays the capacities of dialectics as the methodology of constructive conceptual modeling

Key words: dialectics, logic, identity, opposites, eidos

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент
Российский экономический университет им. Г.В.
Плеханова
г. Москва, Стремянный пер., 36

Galukhin Andrey Vladimirovitch

Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor
Russian university of economics named G.V.
Plekhanov
Moscow, Stremyanny lane, 36

Рационализация метафизических рассуждений на основе формально-логического закона непротиворечия выразилась в формулировке Аристотелем принципа, представляющего, по выражению классика, «самое достоверное из всех начал»: «невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» [1, с. 125].

Позиция сторонников диалектики относительно принципов формально-логического оперирования противоположностями определяется, как правило, в русле философско-методологической интенции на выстраивание дисциплины

мышления в рамках антиномико-синтетической системы, позволяющей деконструировать классическое положение Аристотеля таким образом, чтобы преодолеть ограниченность логической структуры мысли, основанной на принципе исключения противоречия, обнаруживающейся в плане решения определенных задач, как познавательных (например, осмысление объекта в процессе его развития), так и методологических (демонстрация необходимости введения понятийных абстракций), и обосновать логическую возможность и методологическую необходимость разработки своего рода паранепротиворечивой теории, которая в систематической форме отображала бы динамику построения мыслимого предмета в синтетическом единстве противоположных эйдетических или категориальных определений, выражающих в своем взаимопроникновении собственную логику достижения конкретно-всеобщего самоопределения предмета в том, что он есть сообразно своему понятию.

Но для интеграции принципа единства (синтеза) противоположностей в условия мыслимости предмета требуется выход за границы формально-логического дискурса – за границы «логики рассудка». С этих транслогических позиций диалектика перестраивает логическое содержание и изменяет логическую форму мысли таким образом, чтобы обосновать возможность построения понятия о предмете на основе его противоположных определений, представляя единство противоположностей в *одном и том же отношении* как принцип, релевантный условиям мыслимости предмета. В этом пункте диалектический подход закономерно вызывает критику со стороны формальных логиков, ставящих под вопрос логическую основательность притязаний диалектического «разума» [3, с. 59-143].

Рассмотрим один из аспектов этого расхождения, воссоздавая модель полемики по принципиальному вопросу о возможности мыслить предмет на основе соотнесения его противоположных определений и оценивая, насколько основательна попытка подвести последние под понятие противоположного в *одном том же отношении*. Обратимся к эйдетической диалектике и покажем, что обоснование этой возможности, как и исходная попытка экспликации понятия противоположного в *одном том же отношении* в рамках эйдетико-диалектического подхода производится главным образом за счет деконструкции «одного и того же отношения», сопряженной с переопределением понятий, в которых ставился основной вопрос, безотносительно к исходной проблематизации формального требования непротиворечивости.

Позицию полемиста-диалектика хорошо представляет А.Ф. Лосев, приводя известный пример со шкафом: «Лица, воспитанные на абстрактной метафизике и формальной логике и искалечившие свое непосредственное жизненное восприятие, никогда не поймут, как это шкаф *сразу, одновременно, в одном и том же отношении* есть *и* единое, *и* многое. Они станут говорить, что это в *разных смыслах* шкаф есть единое и многое, желая спасти формально-логические законы тождества и противоречия. Но именно *один и тот же* шкаф и един и множественен, *один и тот же* шкаф есть целое, не содержащееся в отдельных частях (ибо каждая часть не есть целое) и в то же время *только в них* и содержащееся (ибо не может же шкаф находиться сам вне себя)» [4, с.619].

Возражение: Если $A=B$ и $A=\text{не-}B$ в *одном и том же отношении*, в *одном и том же смысле*, то получается следующее:

1) A есть *нечто неопределенное*. Ведь "определить – значит ограничить", т.е. отличить одно от другого. Но если A есть и B и $\text{не-}B$ в *одном и том же отношении*, то его уже невозможно ни от чего отличить, поскольку B и $\text{не-}B$ покрывают все поле возможностей;

2) В этом случае нарушается закон *непротиворечия*, который является не "абстрактно-метафизическим предрассудком", а прежде всего, простым требованием *мыслимости предмета*. Если утверждается, что A есть и B и $\text{не-}B$ в *одном и том же отношении*, то в чем заключается смысл такого утверждения?

Ответ на возражение: Для диалектики действительно важна «однозначность противоречащих терминов», иначе диалектическое противоречие, если подразумевать «разные смыслы», будем мнимым – фиктивным противоречием, а значит и совершенно бесплодным, не приводящим к образованию *антиномически-цельной сущности*, какую являет эйдос (не «образ» в сознании, складывающийся на основании ощущений, восприятий, представлений, а именно наиболее совершенный – акмеически достигаемый «вид» вещи, высказываемый в «логосе»). И если Гегель, выстраивая диалектику на основе бесконечной отрицательности понятия, обосновывал единство противоположностей в отношении того основания, в которое разрешается противоречие определений мыслимого предмета, что является ключевым моментом диалектического опосредствования – достижения конкретной всеобщности понятия о предмете, то в рамках эйдетической диалектики антиномический принцип получает несколько иную интерпретацию.

Одну из возможностей придания смысла антиномическим положениям в рамках эйдетической диалектики демонстрирует сам А.Ф. Лосев в порядке комплексного анализа диалога Платона «Парменид»: реконструируя диалектику «единого-многого» в терминах отношений эйдоса и инобытия, Лосев обосновывает необходимость полагать «тождество и различие сущего с не-сущим в *одном и том же отношении*» [5, с.546] как условие раскрытия динамики смыслового «самопротиворечия абсолютного одного», посредством которой достигается самоутвержденность в качестве «единичности покоя самотождественного различия». Критика предложенного Лосевым аргумента представлена ниже в п. V. Пока же следует заметить, что в диалоге «Парменид» преимущественно «работают» чистые категории – праяйдетическое Одно Эйдос как сущее в отличие от Эйдоса как «вида вещи». Однако, антиномическая ситуация же со «шкафом», описываемая А.Ф. Лосевым, на первый взгляд, кажется иной, – в этой ситуации налицо фактически осуществленный смысл – «меонально-ознаменованный эйдос». Для осмысления такой ситуации целесообразно опираться не на чисто платонические, но именно на *аристотелевско-платонические интуиции*, которые аналитически раскрываются тем же А.Ф. Лосевым при обращении к аристотелевскому понятию «чтойности». При таком подходе открывается возможность продумать схематически дополнительное истолкование лосевского диалектически развернутого положения о том, что «шкаф есть единого и многое» в «одном и том же отношении».

Одна из попыток экспликации понятия «одного и того же отношения» состоит в выдвижении и развитии гипотезы: Одно и то же отношение можно обосновать в плане самотождественности сущего (напр., шкафа) как интеллигентной обращенности смысла во всех его инобытийных судьбах.

(I) Прежде всего, следует отличать «сущность» шкафа в ее чисто-смысловом статусе и «вещность» шкафа как фактическое осуществление этого чистого смысла «бытия шкафом». Но к чему тогда отнести определения «единое и многое»? Их можно расположить как предикативные моменты нашего описания фактичности, но их же можно определять как моменты понятия, в котором умозрительно схвачен смысл «бытия шкафом».

(II) Определения «единое и многое», очевидно, фиксирует нечто отличное от чистого смысла – идеи шкафа, если чистый смысл «бытия шкафом» понимать предельно формально-абстрактно; тогда эти определения являются моментами конструктивно-смысловой модели, которая возникает как следствие меонизации чистого смысла, как бы проигрывания его в инобытийной – «материальной» среде, результатом которого являются многие различимые части и свойства одного и того же предмета (классифицируемого, кстати, в римском праве, как «составная вещь» – *сogroга composita*). Но сама идея шкафа разве не имплицитует все эти многие части и свойства, без которых шкаф не только в фактическом, но и в субстанциальном смысле не был бы шкафом? В этом плане показательно аристотелевская экспликация «чтойности» («сути бытия») как спрягающей сущностный смысл со смыслом фактичности.

(III) Следовательно, понимая «идею шкафа не формально-абстрактно, а как смысловую порождающую модель вещи, можно допустить, что определения «единое и многое» есть моменты существенной смысловой определенности шкафа. Но как они соотносятся со сферой чистого смысла, не ознаменованного меональностью? Можно, например, прояснить этот момент таким же образом, что, как и в архетипическом случае аристотелевского определения чтойности «живого существа», смысл охватывает и вмещает материю смысловым образом. Определения «единое и многое» – смысловые моменты «чтойности» шкафа.

(IV) Однако, не следует упускать из виду и первоначальное методологическое различие сферы чистого смысла и сферы инобытийного выраженного смысла, даже если последнее «проигрывается» в недрах самого смысла, порождая конструктивные идеальные модели, пусть даже с противоречивой предикатной структурой.

Еще один шаг в истолковании того, что может иметься в виду, когда говорится об «одном и том же отношении», в котором сходятся противоположные определения, состоит в следующем: мы отличаем «чистый смысл» (идея) от «фактически осуществленного смысла» (вещь), но при этом полагаем, что сама идея может имплицитовать смысл фактической осуществленности.

(IV-1) Очевидно, что «чистый смысл» вещи отличен от «инобытийно выраженного смысла», ибо последний есть первоначальный смысл, получивший вследствие меонизации какие-то акцидентальные определения (изменчивые и относительные свойства). Следовательно, если рассматривать определения «единое-многое» в акцидентальном плане, то они совершенно противоречивы

и всецело отличны от тождественного чистого (субстанциального) смысла. И тут рассудочная логика вполне основательно фиксирует противоречие, которое есть налицо.

(IV-2) Но когда при анализе «чтойности» рассматривается смысл фактического осуществления смысла, то как этот смысл соотносится с чистым смыслом? Если абстрагироваться от фактических вещных качеств, приобретаемых смыслом в его инобытийной выраженности, и принять положение о том, что определения «единое и многое» есть моменты первоначального смысла, то можно открыть план не акцидентального, но субстанциального – существенного определения: в плане существенного определения фактической осуществленности смысла (шкаф) первоначальный смысл (идея) шкафа и смысл его инобытийно-фактических выражений, в поле которых обретаются фактические качества бытия-единым и бытия-многим, есть ОДИН И ТОТ ЖЕ СМЫСЛ, т.е. в плане субстанциального рассмотрения они тождественны, поскольку в них сказывается одна и та же существенность.

(V) После этого можно проработать основной вопрос: как существенное – субстанциально-смысловое начало может получать разные – противоположные определения? Ответ на этот вопрос заключается в экспликации принципа активного самопротиворечия сущности. Собственно, проблема эта рассматривалась А.Ф.Лосевым при анализе платоновского диалога «Парменид». Одна из интенций этого анализа состояла в том, чтобы на уровне оперирования категориями эйдетической диалектики показать, в каком смысле «сущее тождественно с собою и с несущим в одном и том же смысле, в одном и том же отношении», и что дает активное самопротиворечие сущности.

Аргумент, предложенный Лосевым, состоит в следующем: «.. пусть сущее тождественно с не-сущим в одном отношении, а различно с ним – в другом отношении. Если так, то это значит, что *одна* сторона сущего тождественна с не-сущим, а *другая* – различна с ним, т.е. вместо одного сущего мы получили два сущих, и цельность его утеряна. Однако допустим, что цельность не утеряна и что два сущих есть одно сущее. Тогда спросим: что же, оба этих сущих тождественны или различны? Если они тождественны и различны опять в разных отношениях, то вопрос, очевидно, будет так ставиться бесконечное число раз, и единое сущее рассыплется на пыль бесконечно малых частей. Если же они тождественны и различны *в одном и том же* отношении, то цельность и сущее остаются» [5, с.546].

Возражение на аргумент: В данном рассуждении имеется некоторый изъян, который вызывает сомнения в состоятельности аргумента: из того, что сущее рассматривается как тождественное с не-сущим в одном отношении, и различное с ним – в другом, не следует с необходимостью, что вместо одного сущего получается *два сущих*, и для восстановления цельности требуется дополнительное обоснование, которое неминуемо оборачивается регрессом. В принципе, можно было бы на уровне логико-семантического анализа определить условия, при которых вместо одного сущего получаются два, и они представляют различные предметы мысли, обозначаемые также различным образом; но

для этого требуется ввести постулат *интенционального употребления имен*, которым обусловлено различие предметных значений «сущего» (подобно тому, как при интенциональном употреблении имени «вечерняя звезда» нельзя было бы сказать, что Джульетта любила утренняя звезда, если она любила вечернюю звезду). Но в структуре аргумента эксплицитно не обозначены основания для введения интенционального контекста. Тогда как может быть утрачена цельность, если сущее уже положено как предмет определений и соотношений в плане тождества и различия, выявляющих «рельефность» эйдоса?

Пытаясь продемонстрировать необходимость тождества и различия сущего с не-сущим *в одном и том же отношении*, Лосев стремился доказать, что «одно и то же сущее есть сущее, и не есть сущее, а не то, что одна сторона сущего – сущее, а другая – не-сущее» [5, с.512]. Но для доказательства этого под «одним и тем же отношением» следует понимать момент диалектического опосредствования противоположностей, без которого синтез их в форме антиномически-цельного эйдоса был бы невозможен: «Опосредование противоположностей – специфическая особенность диалектических противоречий в отличие от формально-логических» [3, с.86], – «диалектическое противоречие есть по существу опосредованное промежуточными ступенями отношение различий и противоположностей, взятых в одно и то же время, в одном и том же отношении, в то время как формально-логическое противоречие есть непосредственное отношение исключающих друг друга противоположных утверждений» [3, с.87]. Если рассматривать опосредствование не как способ осуществления, а способ снятия противоречия, то в эйдетической диалектике основание, в которое разрешается противоречие, в результате чего появляется антиномически-цельный эйдос, выявляется в порядке диалектической проработки понятия «Одного».

Возражение общего плана: Даже если обобщить результаты проведенного выше анализа, то в случае «диалектики шкафа» логическая состоятельность диалектического полагания противоположности «единого и многого в одном и том же отношении» остается все еще под вопросом. Ведь из того, что один и тот же смысл есть и «чистый смысл», и «чтойность», и «смысл вещи», никак не следует, что здесь имеется предикторное отношение одному и тому же единого и многого *в одном и том же отношении*. Скорее, имеет место лишь указание на то, что один и тот же смысл может иметь различный способ бытия – как идея, как эйдос, с одной стороны, и как вещь, с другой. Но в этом нет никакого «противоречия одного и многого в одном и том же отношении». Может быть, это следует понимать в том смысле, что идея как понятие есть Одно и оно же как чтойность есть Многое? Но это уж слишком «диалектическая диалектика» – сначала положить противоречие в основании определений, а потом его обнаружить в результате анализа.

Ответ на возражение: Диалектик мог бы заметить, что *противоречивость не кладется в основание определений, а возникает вместе с самим определением*. Гегель в работе «Наука Логики» недвусмысленно артикулирует этот принцип диалектического мышления: «Возьмем определенность Одного («нечто») – пусть это определенность «точки»: нечто есть то, что оно есть, только «в своей

границе», в которой нечто отделяет себя от самого себя и по ту сторону себя указывает на свое небытие, – в таком случае точка есть граница линии не только в том случае, что линия лишь прекращается в точке и как наличное бытие находится вне точки ...но и в том смысле, что в точке линия также и начинается; точка есть абсолютное начало линии...» [2, с.110]. Диалектика самой точки – это стать линией, – так в диалектике намечается вектор дефиниционной спецификации понятия.

(VI) Можно рассмотреть и такую гипотезу истолкования лосевского диалектического императива «в одном и том же отношении»: различные термины («точка» – «линия», «бытие» – «небытие») будучи различны в плане референциальной значимости, имеют общий интенциональный контекст, в котором устанавливается их смысловая равнозначность, – это «определенность в отношении границы», или даже «определенность самой границы», в которой они «выступают» как имеющие значения. Более того, этот смылосодержательный контекст обладает не идейно-понятийным, но категориальным статусом (таким, например, каким обладает категория «складки» или «различия» в отношении различных серий концептов у Ж.Делёза), и именно однозначность этого категориального статуса является условием возможности дифференциации значений, которые совершенно отчетливо фиксируются на уровне различенных понятий, вписывающихся в «логику рассудка». А формой такой дифференциации является рефлексия в себя и рефлексия в иное, конвергирующие в отношении к некоему «одному». Значит в «одном отношении» – это в отношении к определенности границы, задающей в антиномической разновекторности рефлексивного движения (рефлексия в себя и рефлексия в иное) то, что есть, и то, что не есть: в горизонте пограничной определенности есть одно («точка») и есть многое («линия» как множество точек, – точка есть принцип самой линии). Такую гипотезу можно назвать «гипотезой категориально-пограничной равнозначности».

(VII) Возвращаясь к первой мысли, следует еще раз подчеркнуть, что противоречие не кладется в основании определений, а возникает «мгновенно» уже вместе с определением. И не случайно Платон, развивая диалектику Одного и Иного, вводит понятие мгновенности – мига ($\tau\acute{o}\ \acute{\epsilon}\xi\alpha\iota\phi\upsilon\eta\varsigma$), на что указывает А.Ф.Лосев, полагая, что понятие это выясняет способ соединения противоречивых моментов, диалектически вытекающих из Одного. Мгновенность означает «нечто такое, что из нее происходит перемена на обе стороны: переходя от сущего к не-сущему и от не-сущего к сущему, Одно находится уже вне только сущего или только не-сущего. Оно уже в этот общий момент и не есть, и не возникает, и не уничтожается. Так же точно, переходя от одного к многому и от многого к одному, Одно уже вне разделения и вне соединения; переходя от подобного к неподобному и от неподобного к подобному, оно уже ни подобно, ни неподобно и не уподобляется и не делается не-подобным; то же о величине и равенстве и т.д.» [5, с.532]. В рамках такой динамически-смысловой интерпретации единства противоположностей, истоки которого – в изначальности мига, можно обосновать положение, что Идея как понятие есть Одно, а как чтойность оно есть Многое, тем более, что множественность имплицитруется и чистым

определением Одного, как показано в диалоге «Парменид» Платона. Но очевидно, что в плане такой интерпретации удерживается стандартный принцип непротиворечия, а нетривиальный логический смысл единства противоположностей – принцип диалектического опосредствования – остается не выявленным, несмотря на представление Одного в качестве всеобщего опосредствующего начала соотнесения противоположностей.

Таким образом, мы показали, что деконструкция «одного и того же отношения» на основе принципов эйдетической диалектики актуализирует многообразные возможности переопределения понятий, в которых ставился основной вопрос. Такое переопределение понятий не затрагивает принципиальных позиций, на которых держится формально-логическое требование непротиворечивости, но проявляет всего лишь металогический потенциал диалектики как методологии конструктивно-смыслового моделирования.

Список используемых источников:

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики. СПб: Наука, 1997. 799 с.
3. Диалектическое противоречие. (Над чем работают, о чем спорят философы). М.: Политиздат, 1979. 343 с.
4. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
5. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.

© 2017, Галухин А.В.

Проблема диалектико-эйдетической экспликации
единства противоположностей

© 2017, Galukhin A.V.

The problem of eidetic-dialectical explication of the
unity of opposites